

Поездка в поезде как сюжетный прием в творчестве Бунина. Статья первая: Запад и Восток

Д. Д. Николаев

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Мотив поездки в поезде является одним из самых распространенных у И. А. Бунина. Вокруг поездки на Цейлоне строится сюжет «Записной книжки», напечатанной в газете «Новая Русская Жизнь» (Гельсингфорс) 2 апреля 1921 г. и впоследствии переработанной в рассказ «Третий класс». Поездка во Франции становится основой сюжета рассказа «Notre-dame de la garde», опубликованного в газете «Возрождение» (Париж) 17 октября 1925 г. Эти произведения объединяет не только общность ключевого художественного приема (мы видим другую страну и ее жителей глазами русского пассажира в поезде), но и прямые текстуальные параллели в газетных публикациях. И в том, и в другом случае поезд становится проекцией страны: это поезд Востока и поезд Запада.

Противопоставление Востока и Запада наиболее отчетливо прослеживается в «Записной книжке», где оно связано с идейной борьбой 1921 г. В газетной редакции Бунин писал про Запад не в меньшей степени, чем про Восток. Главными героями его произведения были англичане. Но в рассказе «Третий класс», опубликованном в 1926 г. в «Иллюстрированной России», актуальный публицистический пафос становится ненужным. Схожая тенденция к снижению конкретно-исторического публицистического начала прослеживается и при анализе истории текста рассказа «Notre-dame de la garde». Здесь изменения также связаны с сокращением игравшего важную роль в газете универсально-социального и заменой его на просто универсальное.

Сюжетный прием позволяет Бунину показать Францию с самых разных сторон, а также передать свое отношение к стране. Система противопоставлений в газетном варианте рассказа «Notre-dame de la garde» сложнее, чем в помещенном в собрании сочинений – впоследствии Бунин отказывается от классовой характеристики. Плакатно-идеальный Запад оказывается обманом, но разрушение внешней, рекламной гармонии не означает отсутствия красоты и гармонии подлинной. Типы, созданные Буниным в рассказе, имеют одновременно и ярко выраженный национальный, и универсальный, общечеловеческий характер.

Ключевые слова

Бунин, русская эмиграция, «Записная книжка», «Третий класс», поэтика, текстология, «Notre-dame de la garde», сюжет

Для цитирования

Николаев Д. Д. Поездка в поезде как сюжетный прием в творчестве Бунина. Статья первая: Запад и Восток // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 355–370. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-355-370

Train Travel as the Basis of the Plot in Bunin's Works Part one: East and West

D. D. Nikolaev

*A. M. Gorky Institute of World Literature RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

Train travel is one of the most frequently used motives in I. A. Bunin's works. In the center of the plot of the "Zapisnaya knizhka" ("Notebook") ("Novaya Russkaya Zhizn" (Gelsingfors), 1921, April 2), subsequently reworked into the story "Tretiy klass" ("Third Class") is the voyage on the train on Ceylon. Train ride in France becomes the basis of the plot of the story "Notre-dame de la garde", published in the newspaper "Vozrozhdenie" ("Renaissance") (Paris) on October 17, 1925. These works are united not only by the same fiction method (we see another country and its inhabitants through the eyes of a Russian passenger on the train), but also by direct textual parallels in newspaper publications. In both cases, the train becomes a 'mirror' of the country: the first is the train of the East and the second is the train of the West.

The contrast between East and West is most clearly pointed in the "Zapisnaya knizhka", where it is associated with the ideological struggle of 1921. In the newspaper Bunin wrote about the West no less than about the East. The main characters of his work were the British. But in the story "Tretiy klass", published in 1926 in "Illyustrirovannaya Rossiya" ("Illustrated Russia"), the actual publicistic pathos becomes unnecessary. A similar tendency towards a decrease in the concrete historical publicistic pathos we can find in the history of the text of the story "Notre-dame de la garde". Here, the changes are also associated with the reduction of the universal-social that played an important role in the newspaper and its replacement with the simply universal.

The plot allows Bunin to show France from different sides, as well as declare his attitude towards the country. The system of oppositions in the newspaper version of the story "Notre-dame de la garde" is more complicated than in the one in the collected works – later Bunin renounces the class characteristic. The poster-ideal West turns out to be a deception, but the destruction of external, advertising harmony does not mean the absence of beauty and internal harmony. The types created by Bunin in the story have both a national and universal character.

Keywords

Bunin, Russian emigration, "Zapisnaya knizhka" ("Notebook"), "Tretiy klass" ("Third Class"), poetics, history of the text, "Notre-dame de la garde", plot

For citation

Nikolaev D. D. Train Travel as the Basis of the Plot in Bunin's Works. Part one: East and West. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 355–370. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-355-370

Мотив поездки в поезде является одним из самых распространенных у И. А. Бунина, начиная с его раннего творчества. Он встречается и в прозаических, и в стихотворных произведениях писателя. 1893-м годом датировано стихотворение «В поезде»; в рассказе «Кастрюк», впервые опубликованном в 1895 г., на поезд любуются главный герой и его внучка, а в рассказе «Новая дорога» (1901) повествователь передает свои впечатления от поездки. Местом действия

у Бунина часто являются железнодорожный вокзал, станция, платформа (назовем, к примеру, рассказы «На чужой стороне», «Иоанн Рыдалец», «Легкое дыхание»).

Поезда в творчестве Бунина следуют преимущественно по России – так происходит в произведениях, созданных и до революции, и в эмиграции, где Бунин либо возвращается к дореволюционным реалиям, либо, как в рассказе «Несрочная весна», рисует картины России пореволюционной, «опять превратившейся в Московщину» [Бунин, 2001, с. 261].

Тем не менее, используя поездку в поезде как сюжетный прием в эмиграции впервые, Бунин обращается к изображению не России, а заграницы, вспоминая свое путешествие на Цейлон. Вокруг поездки в поезде строится сюжет «Записной книжки» [Бунин, 1921], напечатанной в газете «Новая Русская Жизнь» (Гельсингфорс) 2 апреля 1921 г. (№ 74, с. 2–3) и впоследствии переработанной в рассказ «Третий класс». Через четыре года поездка на поезде во Франции становится основой сюжета рассказа «Notre-dame de la garde», впервые опубликованного в парижской газете «Возрождение» 17 октября 1925 г. с посвящением «И. С. Шмелеву» (№ 137, с. 2–3).

Несмотря на существенное время, прошедшее между газетными публикациями этих произведений, их можно рассматривать как своего рода диалогию. На это указывает не только общность ключевого художественного приема (мы видим другую страну и ее жителей глазами русского пассажира в поезде), но и прямые текстуральные параллели в газетных публикациях.

Страны и поезда, описанные в произведениях, кардинально различаются, как различаются Восток и Запад, но и в том, и в другом случае поезд становится проекцией страны: это поезд Востока и поезд Запада. Поезда как проекции своих стран тем явственнее противопоставлены друг другу, что сами они – как достижение техники, как транспортное средство, как «вещь» – мало чем отличаются, и эта почти полная тождественность, универсальность поезда как предмета используется Буниным, чтобы подчеркнуть контраст между тем, что окружает поезда, и теми, кто в них ездит.

Практически неизменным у Бунина остается и образ повествователя, в максимальной степени сближенный с автором, – это тождество заметнее всего в газетных публикациях. Знак равенства, который можно поставить между повествователем и Буниным, определяется, в частности, спецификой названия «Записная книжка», подчеркивающего документальную основу текста. Название это является в 1920-х гг. сквозным в творчестве Бунина и используется писателем в разных периодических изданиях. В 1920–1921 гг. публицистические произведения под таким названием Бунин печатает в парижской газете «Общее Дело» [Бунин, 2001, с. 91–95, 118–120] и в пражской газете «Огни» [Там же, с. 137–139]. А с 23 января 1926 г. «Записная книжка» Бунина начинает регулярно появляться и на страницах «Возрождения» (№ 235, с. 2–3) [Бунин, 1998, с. 177–186, 196–197 и др.]. Отметим, что рассказ «Notre-dame de la garde» печатается в «Возрождении» совсем незадолго до этого, а 13 февраля 1926 г. в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» помещается рассказ «Третий класс» – новая редакция «Записной книжки», опубликованной в «Новой Русской Жизни», так что возвращение Бунина в 1926 г. к использованному прежде сквозному названию связано и с обращением автора к прежде печатавшимся под этим названием произведениям.

С момента публикации в «Возрождении» рассказа «Notre-dame de la garde» до появления рассказа «Третий класс» в «Иллюстрированной России» проходит почти четыре месяца, но в ряду публикаций художественных произведений Бунина они стоят практически рядом. Эта публикационная близость должна была восприниматься и читателями, что, естественно, учитывал автор. «Восточная» поездка, которая и с точки зрения жизненной хронологии, и с точки зрения истории произведений предшествовала поездке «западной», теперь следует за ним.

В «Иллюстрированной России» текст существенно перерабатывается, так что нужно говорить о создании новой редакции. В «Третьем классе» уже нет открывающего «Записную книжку» пространного рассуждения об англичанах, нет воспоминаний о Капри, Иерусалиме, Египте и Константинополе. Нет и постепенного увеличения временной дистанции, как в «Записной книжке», – от современности к временам дореволюционным. Но в журнале еще нет и привязки к конкретному году, которая появится позже:

Глупец тот, кто воображает, что он имеет полное право и возможность ездить
где и когда ему угодно в этом классе!
Вот представьте себе Цейлон, Коломбо.
Утро, всего десятый час [Бунин, 1926, с. 1].

В итоговой редакции Бунин уже не только сразу переносит читателей в Коломбо, но и называет точный год и месяц действия, а заодно и меняет указанное прежде время дня:

Глупец тот, кто воображает, что он имеет полное право и возможность ездить
когда ему угодно в этом классе!
Вот Цейлон, Коломбо, март 1911 года.
Утро, всего восьмой час [Бунин, 1988, с. 189].

Для понимания поэтики бунинских произведений их необходимо анализировать с учетом «движения текстов», той трансформации, что осуществлялась автором после первых публикаций, поэтому в данной статье предметом рассмотрения станут «Записная книжка» [Бунин, 2001], два варианта рассказа «Третий класс» – журнальный [Бунин, 1926] и итоговый [Бунин, 1988], а также три варианта рассказа «Notre-dame de la garde»: первая публикация в газете «Возрождение» [Бунин, 1925], публикации в составе изданного в Париже в 1927 г. сборника Бунина «Солнечный удар» [Бунин, 1927] и в девятом томе собрания сочинений Бунина, выпущенного в Берлине издательством «Петрополис» [Бунин, 1935].

Противопоставление Востока и Запада наиболее отчетливо прослеживается в «Записной книжке», где оно связано с идейной борьбой 1921 г. Хотя воспоминания автора и переносят читателей преимущественно «на Восток», публицистический пафос произведения связан с обличением «Запада», отношение которого к другому миру, включающему в контексте начала 1920-х гг. и Россию, определяется позицией англичан.

В тексте рассказа «Третий класс», который помещается в собраниях сочинений, наряду с дистанцией пространственной сразу же подчеркивается дистанция временная: события, описываемые в рассказе, связываются с читательской современностью метафизически, за счет носящего характер иронически-философской сентенции первого предложения. В опубликованной в 1921 г. «Записной книжке» все было иначе. Воспоминание о путешествии на Цейлон предварялось значи-

тельным по объему авторским рассуждением, в основе которого была не метафизическая, а конкретно-историческая проблематика. В газетной редакции Бунин писал про Запад не в меньшей степени, чем про Восток. Главными героями его произведения были англичане, правда, англичане не в Англии, а за границей. И начиналась «Записная книжка» с характеристики английских путешественников, которую давал повествователь:

...Вспоминая купе вагонов, в которых столько колесил я по земному шару, неизменно вспоминаю одно и то же: переменяв котелок на дорожный картуз, достав из несессера книжку, англичанин сидит весь день без малейшего движения, не роняя ни единого слова, ни на миг не снимая перчаток; я вхожу – он медленно осматривает меня оскорбительно холодными глазами и опять опускает их на книжку; за окном мелькают древние города, развалины замков, горные бездны и вершины, морские заливы, озера, пески, Нил, пирамиды, Нубийские хижины, тропические лесные дебри – он невозмутим, он не замечает меня, он читает, а если глядит в окно, то еще мертвее и оскорбительнее, чем глядел на мою фигуру [Бунин, 2001, с. 106].

«Оскорбительно холодные глаза» – не просто внешний признак, они являются «зеркалом» оскорбительно холодной души, с презрением относящейся ко всему неанглийскому, «незападному», поскольку именно английское является квинтэссенцией Запада в его противопоставлении Востоку.

Прежде чем обратиться к рассказу о Цейлоне, автор вспоминал другую поездку, где он сталкивался с англичанами, – на Капри:

Таким же вижу я его и на пароходе, и в отеле. Я или не существую для него (благо днем полагается по английскому этикету быть свободным в одежде) или же он самым непристойным образом осматривает меня с головы до ног – в ту торжественную минуту, когда гудит обеденный гонг и все шествуют в столовую в смокингах и бальных туфлях, среди нарядных дам, блеска зеркал и электричества.

Однажды отель, в котором я проводил зимы на Капри, загорелся (с верхнего этажа). Весь городок сбежался, все двери в отеле были настежь, по всем лестницам носились люди, тушившие огонь, все жильцы не английского происхождения помогали им или хватали из своих комнат и выбрасывали в коридоры вещи, – англичане и бровью не повели: взяли пледы, книжки, сели в кресла, обернув пледами ноги, и преспокойно стали кто читать, кто писать дневники и письма [Там же].

Характеристика английских путешественников переносится на англичан вообще, и описанная Буниным поездка в поезде на Цейлоне позволяет в небольшом тексте выстроить яркую и художественно убедительную систему противопоставлений, передающих авторские публицистические установки:

В Коломбо я глазам своим не верил, видя, как опасно, все время на чеку проходят англичане по улицам, – как они боятся осквернить себя нечаянным *прикосновением* к томилу, к сингалезу и вообще ко всякому «цветному» человеку, ко всякому «презренному» (по их любимому выражению) дикарю [Там же, с. 107].

Мотив путешествия в поезде позволяет автору передавать три типа впечатлений повествователя: 1) от того, что он видит за окном вагона, впечатления по отношению к поезду внешние; 2) от встреч с попутчиками, с теми, с кем он оказывается по соседству в вагонах; 3) от самого поезда, от железной дороги, от поездки как некоего самоценного психологического и эстетического опыта.

Кроме того, сюжет часто захватывает то, что обязательно сопутствует поездке, хотя собственно поездкой и не является, – происходящее на станции. Бунин часто использует «эффект остановки» для развития сюжета, завязки или развязки: на станциях в его произведениях происходят значимые события и перемены. Последнее абсолютно естественно: кажущаяся в сравнении с движущимся поездом статикой «станция» на самом деле статикой не является. Остановка, которая происходит *в пути*, не просто включается автором в движение, но и позволяет зафиксировать наиболее существенное, значимое изменение.

В «Записной книжке» поездка на Цейлоне начинается еще до железнодорожного вокзала, по пути на станцию. И эта дорога сразу погружает читателя в мир Востока, заставляя одновременно и восхищаться его красотой, и удивляться экзотике, и испытывать чувство вины «цивилизованного человека», сталкивающегося с тем, что противоречит его моральным устоям:

Жара, адская, удушающая... Голый черный человек, то есть рикша, во всю прыть мчит раскаленную лакированную колясочку, в которой сижу я – всегда с большим стыдом, к чести моей сказать... Вот площадь, вот вокзал в мавританском стиле, почти страшный своей белизной на фоне белесого от зноя неба... Режут глаза черные волны и черная спина рикши среди этой белизны и белого солнечного света... [Бунин, 2001, с. 107].

Столкновение с презрительным Западом, диктующим на Востоке свои колониальные правила и категорично отвергающим любые попытки следовать не им, а собственным желанием, происходит как раз на станции, где англичанин-кассир отказывается продавать повествователю билет в третий класс, навязчиво побуждая его ехать первым. В «Записной книжке» Бунин подчеркивает повторяемость этой ситуации («Каждый раз, когда я отправлялся в поездку по острову, происходило следующее» [Там же]), чтобы убрать возможность сугубо личного, индивидуального в поведении кассира, подчеркнуть типичность происходящего.

Для Бунина поездка на поезде является одним из лучших способов понять жизнь людей, жизнь страны, что подтверждается использованием этого сюжетного приема в его произведениях. Но стремление русского путешественника увидеть Восток таким, каков он есть, понять, почувствовать его наталкивается на непреклонность Запада, презирающего и Восток, и тех, кто почему-либо не разделяет этого презрения:

И тогда я багровою от бешенства, сую лицо в будочку и начинаю орать приблизительно в таком роде:

– Слушайте, будь я трижды проклят, мне осточертело это! Я хочу видеть все особенности страны, всю ее природу, всю ее жизнь, всех ее обитателей вплоть до самых «презренных», как вы выражаетесь, которые, конечно, не могут, да и не смеют ездить в первых классах! И вот, каждый раз, как я хочу сесть в третий класс, начинается эта борьба с кассиром! Я требую *третий* класс – меня, пользуясь созвучием слов, дерзко перебивают, дурачат: «Вы хотите сказать – первый?» Я начинаю кричать: «Нет, третий, третий!» – мне все-таки выкидывают первый! Я швыряю его назад – и тогда кассир, вне себя от негодования и удивления, что «белый» человек одержим низким и безумным желанием сидеть рядом с «цветным», начинает тоже кричать на меня, запугивать насекомыми, которых я наберусь от «цветных», указывает на то, что никто из «белых» не ездит здесь в третьем классе, что это «не принято», неприлично, возмутительно! [Там же, с. 107–108]

Даже добившись в результате билета в третий класс, путешественник не получает того, что хочет: англичане находят иной способ воспрепятствовать «низким и безумным» желаниям, просто не допуская «презренных дикарей» в его купе. В результате в рассказе о поездке по Цейлону, в котором, по идее, центральное место должна занимать «галерея типов» местных жителей, ничего подобного нет. Правда, в «Записной книжке» повествователю все-таки удастся увидеть их своими глазами:

Конечно, я и тут остаюсь верен себе, я догадываюсь, что ведь и я могу устроить новую пакость и кассиру, и кондуктору: я на следующей станции хватаю свой сак и перебегаю в другой вагон, даже и не в третий, а еще хуже – в четвертый, в самую гущу «презренных дикарей»... Но сколько же крови стоит мне это невиннейшее желание проехаться с ними, сколько крепчайших, чисто русских слов посылаю я по адресу просвещеннейшей Британии, вскакивая в этот четвертый класс, удушающий, как полук в бане, и, как баня в субботу, набитый черными и шоколадными телами, которые только по бедрам прикрыты мокрыми от пота тряпицами!

...Качаются головы на этих телах, сидящих и стоящих в полутемном от наружных навесов над окнами вагонов, мчится полутемный вагон в бездне белого, ослепительного зноя, льющегося с неба на радостную, райски богатую землю, чутко отдается татаканье колес от цветущих, бесконечных лесных дебрей, летящих назад, мимо...

– Курумба-а! – звонко и жалобно кричат на остановках продавцы кокосовых орехов... [Бунин, 2001, с. 108–109].

Правда, в журнальной публикации рассказа «Третий класс» путешественник уже остается на своем месте, не находя в себе сил противостоять «анафемской великой Британии»:

– Курумба-а! – горестно и звонко кричат на остановках продавцы кокосовых орехов, под сухой шорох босых ног, бегущих мимо моего купе. И я думаю:

– Сейчас вскочу и перебегу, назло этой анафемской великой Британии, в другое купе или даже в четвертый класс, в вагон, набитый, точно баня в субботу, сидящими и стоящими, черными и шоколадными телами, которые только по бедрам повязаны мокрыми от пота тряпицами!

Но думая так, я почему-то не двигаюсь с места. Какая-то горестная покорность овладевает мною [Бунин, 1926, с. 2].

В окончательном варианте текста Бунин возвращается к варианту с «победой» над Британией. Рассказ заканчивается так:

– Курумба-а! – горестно и звонко кричат на остановках продавцы кокосовых орехов под сухой шорох босых ног, бегущих мимо моего купе.

И на одной из следующих остановок, я, как вор, перебегаю в четвертый класс, в вагон, набитый сидящими и стоящими, черными и шоколадными телами, которые только по бедрам повязаны мокрыми от пота тряпицами [Бунин, 1988, с. 191].

Существенно отличается от итогового и финал произведения – как в «Записной книжке», так и в журнальном варианте рассказа «Третий класс». Эти изменения позволяют понять, как постепенно трансформируется авторский замысел. В «Иллюстрированной России» исторический публицистический подтекст уже менее заметен, чем в «Записной книжке», а в итоге противостояние повествователя и Запада, воплощенного в образах англичан, трансформируется в конкретно-

ситуативное столкновение, верх в котором в итоге все же одерживает повествователь (указание на повторяемость также убирается).

В «Записной книжке»:

И опять, четко татакая, несется вагон, опять летят мимо окон джунгли, с райской нежностью синеют медленно проходящие за деревьями долины и слоновобразные вершины гор...

Какой бег, какой наглый и чудесный поезд, как властно прорезает он этот Эдем! Горе вам, «презренные дикари»! [Бунин, 2001, с. 109].

В «Иллюстрированной России»:

И опять, четко татакая, несется вагон, опять летят мимо окон джунгли, с райской нежностью синеют медленно проходящие за чащей деревьев слоновобразные вершины гор и глубокие долины...

Какой победоносный бег, какой наглый и мощный поезд, как властно и уверенно прорезает он этот от века цветущий Эдем! [Бунин, 1926, с. 2].

Яркое публицистическое начало, необходимое Бунину в 1921 г. в газетном выступлении, в 1926 г. в «Иллюстрированной России» становится ненужным. Во-первых, этого не предполагает сам формат еженедельного иллюстрированного литературного журнала. Во-вторых, хотя восприятие Буниным англичан-путешественников за прошедшие годы и не изменилось, но оно уже не является художественной проекцией отношения англичан к России и к русским.

Схожая тенденция к снижению конкретно-исторического публицистического начала прослеживается и при анализе истории текста рассказа «Notre-dame de la garde». Здесь динамика текста также связана с сокращением игравшего важную роль в газете универсально-социального и заменой его на просто универсальное, не имеющее ярко выраженной социальной характеристики.

Если в газетных публикациях «Записной книжки» и «Notre-dame de la garde» схожесть авторской позиции определялась единством эмигрантских переживаний, пусть и разделенных несколькими годами, но все же едиными в своей определяющей «эмигрантской» сущности, то при последующей переработке текстов на первый план выходит уже разделяющее эти произведения время действия.

«Записную книжку» пишет эмигрант, и Бунин не дает читателям забыть об этом, объясняя, почему он в 1921 г. вдруг обращается в публицистике к временам дореволюционным:

Мог ли я тогда думать, что благодаря «завоеваниям великой российской революции» будут ходить эти палки и по русским головам, как уже не раз они ходили, например, в английских пропускных бюро в Константинополе! [Бунин, 2001, с. 107].

Рассказ «Третий класс» уже лишен всяких намеков на эмигрантский статус автора: эпизод из дореволюционной действительности прочитывается как воспоминания о дореволюционных же переживаниях.

В рассказе «Notre-dame de la garde» Бунин отказывается и от пространственной, и от временной дистанции. Повествователь, с одной стороны, рассказывает о поездке как о чем-то обычном, будничном, с другой стороны, все же выступает скорее как «путешественник», нежели как человек, едущий куда-то по делу. Это

подчеркивается указанием в первом предложении на день недели – воскресенье: «Вагон был полон чернорабочими – было воскресенье» [Бунин, 1925, с. 2]; «Вагон был полон рабочими – было воскресенье» [Бунин, 1935, с. 24].

Название в сочетании с таким началом заставляет читателя предположить, что автор намеревается рассказать о поездке в Марсель, символом, «визитной карточкой» которого является Notre-dame de la garde. Статуя Мадонны – первое, что бросается в глаза прибывающему в город путешественнику, и именно так пишет о Notre-dame de la garde А. И. Куприн, рассказывая о приезде в Марсель:

Ранним утром мы миновали Тулон с его серо-голубыми громадами броненосцев и крейсеров, сизый цвет которых издали почти сливается с цветом моря, свернули за высокий мыс, и перед нами высоко в небе засияла золотом статуя Notre Dame de la Garde, мадонны-спасительницы, Пресвятой девы, покровительницы всех мореходов. Эта золоченая статуя громадных размеров, воздвигнутая на средства рыбаков и моряков, венчает собою купол собора, построенного на высокой крутой горе. Она господствует над городом и над окружающими возвышенностями и служит маяком, который заметен с моря за несколько десятков верст; как живое золотое пламя, горит она под лучами южного солнца [Куприн, 2006, с. 435].

Кстати, схожее впечатление от города и собора зафиксировано в дневниковой записи Бунина от 8 июня 1933 г.:

7½ вечера, подъезжаю к Марселю. Горы голые, мелового цвета, ужасные предместья. Мост, под ним улица, трамвай... Рабочие улицы, ужас существования в них. Всякие депо, шлак... Еще жарко, сухо. Зажженные алым глянецом стекла в домах на горе. Вдали Notre Dame de la Garde... К какому-нибудь рассказу: большой подъезжает к большому городу [Устами Буниных..., 1981, с. 286].

В путевых очерках А. И. Куприна достаточно подробно описывается и сам собор:

Нужно было еще подняться по громадному лифту на верх горы и зайти в собор Notre Dame de la Garde. Там два придела: один внизу, другой наверху. Нижний заперт железной решеткой, верхний открыт для обозрения публики. Одно зрелище вдруг нежно и глубоко волнует меня. Стены огромной церкви сплошь увешаны маленькими мраморными дощечками, на которых выгравированы и позолочены имена и фамилии, а иногда просто инициалы жертвователей. Все это дары моряков, рыбаков, которые благополучно избегли гибели, обратившись в предсмертную минуту к покровительству Пресвятой девы, заступницы на водах... Тридцать или сорок моделей парусных судов и несколько картин, написанных акварелью и маслом неумельцами, наивными, но старательными руками. Таких даров тысячи [Куприн, 2006, с. 435].

Бунин, знакомый, вероятно, с очерками Куприна, вовсе не ставит себе задачу описать Notre Dame de la Garde, передать свои впечатления от собора. Собственно, Марсель в тексте упоминается, но как цель поездки не называется. В рассказе изображена лишь одна станция, промежуточная – Сен-Рафаэль, а также виднеющиеся за окном сады и богатые виллы Бульориса. Как и в большинстве произведений Бунина, сюжетной основой которых является поездка на поезде, пункт назначения не имеет особого значения, поскольку цель поездки – ее художественная цель – сама поездка. Notre Dame de la Garde в рассказе все же появляется, но не

«воочию», а на карточках, которые продают зашедшие в Сен-Рафаэле в поезд монахини.

Сюжетный прием – поездка в поезде – позволяет Бунину показать Францию с самых разных сторон, а также передать свое отношение к стране и через выбор типического для изображения, и через эмоционально-сиюминутную оценку этого типического, художественно воспринимаемого как индивидуально-конкретное, почти случайное.

В жизни набор попутчиков в поезде носит, как правило, случайный характер. В тексте замкнутое пространство вагона или поезда автор целенаправленно заполняет художественными образами, но эффект «случайности встречи» сохраняется. Эта базовая случайность позволяет как бы сконцентрировать авторское и читательское внимание на наиболее ярких, «бросающихся в глаза» пассажирах – выделить тех, кто выделяется сам. Писатель получает возможность формировать образную систему таким образом, что определенная диспропорция ярко индивидуального и типического не выглядит искусственной: она оправдана сюжетной схемой.

В рассказе «Notre-dame de la garde» глазами повествователя «укрупненно» мы видим трех пассажиров – каменщика, молодую женщину и старичка-странника, а также две группы, не разделенные на индивидуальности – молодых рабочих и монахинь, в самой неразделенности которых заложен художественный смысл.

Если в «Записной книжке», а затем и в рассказе «Третий класс» Бунин использует противопоставление Востока и Запада, то в «Notre-dame de la garde» система противопоставлений связана только с Западом. При этом в газетном варианте схема сложнее, чем в помещенном в собрании сочинений, – впоследствии Бунин убирает игравшее ключевую роль в начале и в конце рассказа негативное изображение пролетариата. Точнее, сами образы остаются, но исчезает подчеркивающая социальные причины их явно отторгаемого повествователем поведения авторское определение – «пролетариат», которое в «Возрождении» играет важную роль в композиции рассказа, придавая ей кольцевой характер.

Решение повествователя на станции пересест в другой вагон в газетном варианте передается так: «Нет, довольно с меня пролетариата, подумал я и пошел в конец поезда, где прицепляли, по-видимому, пустой вагон, пришедший с ветки. В самом деле, он был почти пуст. Я вскочил в него и едва успел сесть, как поезд тронулся дальше» [Бунин, 1925, с. 2]. В сборнике «Солнечный удар» из текста убирается слово «пролетариата» [Бунин, 1927, с. 86], а в собрании сочинений первая часть первого предложения вообще снимается: теперь оно начинается словами «Я пошел...» [Бунин, 1935, с. 25].

Заканчивался рассказ в «Возрождении» и в сборнике «Солнечный удар» предложением «Это забавлялась пролетарская молодежь...» [Бунин, 1925, с. 3; 1927, с. 93], из которого в собрании сочинений убирается определение «пролетарская», так что поведение объясняется теперь уже не социальным происхождением, а только возрастом [Бунин, 1935, с. 31].

Бунин дважды подчеркивает и интернациональность пролетариата: сперва непосредственно указывая на то, что рабочие были и итальянцы, и местные, а затем рассказывая об исполнении ими «Интернационала»: «Кроме того, они то и дело, нестройно, в разнотой, затягивали Интернационал или хором кричали: “à bas la guerre!” и залихватски свистали» [Бунин, 1925, с. 2].

Изначально существенные возрастные различия в итоговом варианте становятся определяющими:

Против меня сидел каменщик, длинный и худой, как Дон-Кихот, весь спеченный солнцем, морщинистый, заросший серой щетиной, испачканный известкой, ввевшейся в его одежду, в рыжую обувь и в руки, и не спеша жевал, поочередно отрезая кривым ножичком то ломтик сизой тугой колбасы, то кусок белого хлеба. Все в нем было по-южному сухо, коряво, все жестко и грубо, – одни глаза, безразлично и устало смотревшие на меня, были кротки и грустно-укоризненны.

Остальные были молодежь, итальянцы и местные, провансальцы. И все они, не смолкая ни на минуту, быстро и непонятно говорили, раздражались хохотом и орали, шутя, но громко и, должно быть, преобильно шлепали друг друга, кричали похабные песни. Я задыхался от вонючего дыма их папирос, устал от их буйства ужасно [Бунин, 1925, с. 2].

В связи с тем, что в окончательном варианте на первый план выходит возраст попутчиков, становится гораздо мягче и характеристика молодежи. Из нее в собрании сочинений убирается практически все, что имело откровенно негативный оттенок, в том числе и выражение отрицательного авторского отношения: «И все они, не смолкая ни на минуту, быстро и непонятно говорили, раздражались хохотом и орали, громко шлепали друг друга» [Бунин, 1935, с. 24].

Отказываясь от классовой характеристики, Бунин сохраняет различия, которые связаны с противопоставлением индивидуальности и массы. Это касается как старого рабочего и его молодых спутников, так и других персонажей. Пассажиры, оказывающиеся вместе в другом вагоне, на первый взгляд очень разные и существенно отличающиеся от повествователя, при всей своей яркой индивидуальности в конце рассказа практически едины и с ним, и между собой в своих мыслях и чувствах. Два же сталкивающихся в первой части рассказа проявления «коллективного» – монахини и пролетариат – так и остаются непримиримыми противниками. Эта полярность типов подчеркивается как авторским описанием, так и действиями:

На остановке в Сен-Рафаэле по вагону прошли с опущенными глазами две монахини, кланяясь и предлагая купить бумажный цветок, то есть сделать пожертвование на что-то, и взять картиночку – изображение Марсельской Божьей Матери Заступницы, Notre-Dame de la Garde. Как ровен и чист был прекрасный цвет их молодых нежных лиц, оттененных черными капюшонами, как смиренны и девственны склоненные ресницы, как аскетически бедны и целомудренны линии черных ряс, подпоясанных траурным длинно-висящим жгутом! Их встретили и проводили радостным уханьем, визгом и мяуканьем [Бунин, 1925, с. 2].

Остановка в Сен-Рафаэле позволяет Бунину противопоставить Францию реальную, только что увиденную повествователем в вагоне, предназначенной для туристов Франции открыточной или «плакатной» – Бунин использует в рассказе именно рекламные плакаты:

Стены станции пестрели цветистыми плакатами выставок, античных руин, средневековых соборов; был, конечно, автокар, полный туристов, поднимающийся по извилистой, идеально-живописной Альпийской дороге с глетчерами вдали, был идеально-счастливый молодой человек, с открытой головой сидящий на руле в легкой и длинной машине, уносящей его к лазурному озеру, к идеально-светскому курорту... [Там же].

Плакатно-идеальный красивый Запад оказывается обманом, но разрушение внешней, рекламной гармонии вовсе не означает отсутствия красоты и гармонии подлинной, которая не выставляется напоказ для туристов, но постигается иначе.

Прием с переходом из вагона в вагон, который Бунин использует и в «Записной книжке», и в рассказе «Notre-dame de la garde», и сохраняет в рассказе «Третий класс», знаменует везде не просто смену вагона, но изменения принципиальные, поскольку именно в новом вагоне он находит то, что ищет. В «Notre-dame de la garde» это черты скорее не отличающие, а сближающие. Такими объединяющими началами становятся духовное и связанное с Верой эстетическое. А гранью, не позволяющей найти общий язык, остается грань между молитвой и интернационалом, между Верой и неверием, которое, в свою очередь, не позволяет наслаждаться красотой, глубиной, истиной окружающего мира – мира как создания Божьего.

Отметим, что повествователь в рассказе «Notre-dame de la garde» не раз подчеркивает субъективность, а не объективность Божественного присутствия. Эта субъективность еще усиливается в варианте, помещенном в собрании сочинений, куда Бунин добавляет ряд маркеров субъективности, которых не было в газетной публикации (они выделены курсивом):

У меня по голове прошел легкий и сладкий холодок... Боже мой, подумал я, пусть даже не верят в Тебя, в то, что Ты есть. *Да, да, ну пусть их нет, – Jesus-Christ, Père céleste, Sainte Marie...* Ведь все равно были, есть и вовеки будут чувства, коими эти литании созданы. Есть неистребимая и сладостная потребность покорности и даже унижения перед тем высшим, что мы имеем в себе самих, совокупностью чего наделяем мы смертного или Божество и чему мы поклоняемся, возвышая самих себя, поклоняясь себе самим, всему тому высшему, что есть в нас. Есть *в нас* некий Дух, – если уж не в мире, то опять-таки хотя бы в нас, неизменно и отлично от плоти чувствуемой нами, – *Sant Esprit qui est Dieu*, нечто такое во всяком случае, что для нас непостижимо, что нам, смертным, кажется (пусть хотя бы кажется) бессмертным, вечным и вызывает в нас чувства радостные, те, что называются восторженными, священными. И есть, несомненно есть, в нашем порочном, человеческом существовании девственность, непорочность *как бы нечеловеческая*, неизменно нас трогающая, восхищающая, – так как же может не восхищать Образ этой непорочности, чистейший и совершеннейший, пусть даже опять-таки самими нами, в силу нашей горячей потребности, созданный? [Бунин, 1935, с. 27].

Поиск наиболее точных формул в этом фрагменте идет и при подготовке сборника «Солнечный удар», где начало соответствующего предложения «Есть в нас некий Дух...» выглядит следующим образом: «Есть некий Дух в нас, неизменно и отлично от плоти чувствуемой нами, – *Sant Esprit qui est Dieu...*» [Бунин, 1927, с. 88].

Впрочем, в другом месте Бунин, напротив, исключает из текста слова, подчеркивающие сомнение. Из предложения «Разве не великое счастье обладать пусть даже обманчивым чувством, что есть все-таки кто-то благостно и бескорыстно царствующий над Марселем, над его грешной и корыстной суетой, над мелкими и неправедными злобами его дня и могущий стать на его защиту в беде или опасности?» [Бунин, 1925, с. 2; 1927, с. 89–90] в собрании сочинений убираются слова «пусть даже обманчивым» и «над мелкими и неправедными злобами его дня», а «или» заменяется на запятую и предлог «в».

Типы, созданные Буниным в рассказе «Notre-dame de la garde», имеют одновременно и ярко выраженный национальный, и универсальный, общечеловеческий, почти библейский характер. В них все немного преувеличено, все немного чересчур, так что они вырываются за рамки обыденного и привычного:

В вагоне, просторном, чистом, полном солнца, сидело только двое: удивительной полноты еще совсем молодая женщина, возле которой пламенели две корзины с крупными томатами, а напротив нее – престранная для французского вагона фигура, одна из тех личностей, от которых уже давно отвык мой глаз: старичок-странник. Женщина, несмотря на полноту и черные усики, была редкой красоты, чисто романской, и цвела тем почти жутким преизбытком здоровья и великолепной, пурпурно-лиловой крови, которые встречаются, кажется, только в Провансе. А старичок был легонький, сухонький, с босыми, темно-желтыми от загара ножками, с редкими и длинными бесцветными волосами, в которых сквозил коричневый череп, в белом балахончике и с двумя белыми мешочками по бокам, надетыми крестнакрест: совсем бы русский старичок, если бы не изящество, тонкость и чистота черт лица [Бунин, 1925, с. 2].

В собрании сочинений Бунин вносит в описания попутчиков уточнения, еще в большей степени подчеркивающие эту «живописную» универсальность образов молодой женщины и старика. Недостаточно подходящим для старичка оказывается слово «изящество», а из портретов женщины убираются характеристики «еще совсем», «редкой» «чисто романской» и «почти жутким» [Бунин, 1935, с. 26].

Можно было бы говорить о том, что Бунин противопоставляет патриархальные нравы юга, Прованса, современному западному интернационализму и универсализму, если бы не образ старичка-странника, носящий наднациональный в сущности своей характер. Даже противопоставление старичка-странника родному русскому типу изначально носит внешний характер.

Как Notre-dame de la garde оберегала моряков любого возраста, любой национальности, бедных и богатых, обращающихся с молитвой к ней за помощью, так и сейчас она объединяет героев рассказа, волею случая оказавшихся вместе в одном вагоне:

И он перекрестился, вздохнул и просто и убежденно сказал, пряча картинку за пазуху:

– C'est très bon, ça.

– Ah! oui, – прошептала полная женщина с застенчивой улыбкой сквозь сиявшие на прекрасных глазах слезы, – notre berceau et notre tombe...

За окном слепило солнце и море. Был туннель, грохот, тьма и вонь дыма, каменного угля, потом опять блеск, лазурь, свежесть морского воздуха, потом снова туннель – и снова свет, жизнь, счастье, светлая зелень низкорослых южных сосен, красно-лиловые скалы и ярко синие заливы... [Бунин, 1925, с. 3].

Этот трогательный момент единения людей между собой и с окружающим, простирающимся за окном миром, мог бы стать светлым финалом рассказа, но Бунин не дает забыть о том, насколько хрупок этот мир. Он возвращает нас к действительности, напоминая о том, что в поезде не один вагон, и о том, что перейти из вагона в вагон – это не значит покинуть поезд:

Вдруг раздался треск и сверкнули брызги стекла, – вдребезги рассыпалась бутылка, вылетевшая из окна и ловко угодившая в телеграфный столб...

Это забавлялась пролетарская молодежь [Там же].

Понимание остроты нависшей над миром угрозы – главное, пожалуй, что отличает повествователя от окружающих его людей. Хотя он и не выступает уже в рассказе «Notre-dame de la garde» не как человек совсем сторонний, турист, но он и не равен другим пассажирам поезда, местным.

Бунин подчеркивает, что повествователь русский и не является изначально частью этого западного мира. С одной стороны, он пишет о преодолении различий:

Когда-то мне было странно французское обращение к Богу, к Божьей Матери, к Спасителю на *вы*, потому что еще чужда была Франция, ее история и мертв был язык католической церкви. Потом я не только привык к этому обращению, но почувствовал в нем, в ее галльской, рыцарской вежливости, какое-то особое очарование. Впрочем, есть ли язык, не звучащий очаровательно с Евангельских страниц? Самые сладчайшие слова избрал человек для Нея, но даже и самые простые из них преобразились, зазвучали иначе, говоря о Ней. «Saluée par l'Archange Gabriel...» Был ли на земле день более жуткий и радостный, чем этот день? [Бунин, 1925, с. 2].

(В собрании сочинений этот фрагмент завершается на слове «очарование»).

С другой стороны, показывает, что в жизни не существует универсального человека, что различия между русскими, французами, англичанами, между Россией, Западом и Востоком сохраняются, и что принадлежность человека к тому или иному миру видна даже случайному попутчику в поезде.

Старичок понимает, что перед ним не француз:

Он поглядел на меня, мгновение подумал.

– Вы англичанин? – спросил он.

– Нет, русский.

Он легонько улыбнулся.

– Да, конечно, не англичанин. Я так и думал.

– Почему? – спросил я, тоже невольно улыбаясь.

– Это трудно сказать. Ну хотя бы потому, что англичане никогда не сидят, например, в вагоне просто, ничего не делая: или пристально смотрят в окно, точно изучая что-то, или читают... Ну, да, вы русский [Там же, с. 3].

В «Notre-dame de la garde» Бунин фактически повторяет сопоставление русских и английских путешественников, которое он использовал в «Записной книжке», только на этот раз вкладывает характеристику англичан в уста француза.

При переработке «Записной книжки» первую часть, основу которой составляла характеристика англичан, Бунин убрал, а соответствующий фрагмент в рассказе «Notre-dame de la garde» сократил так, чтобы противопоставление русских и англичан было отчетливее:

Он легонько улыбнулся.

– Да, конечно, не англичанин. Я так и думал. Англичане никогда не сидят, например, в вагоне просто, ничего не делая: или пристально смотрят в окно, точно изучая что-то, или читают... Ну, да, вы русский [Бунин, 1935, с. 30].

Вопросом, кто перед ним, старичок задается после того, как повествователь в разговоре с ним мгновенно переходит от «самого прекрасного» к мотиву возмездия тем, кто на это прекрасное покушается:

– Это хорошо, не правда ли? – прерывая чтение, обратился ко мне старичок так, точно мы были всю жизнь знакомы.

– Очень хорошо, – ответил я от всей души.

Он это почувствовал и спросил, как добрый учитель понятливого школьника:

– И почему?

И тотчас же ответил сам, говоря то же самое, что и я думал:

– Потому, что здесь выражается все самое прекрасное, что есть в человеческой душе!

– Да, – сказал я. – И нет казни достойной для того, кто посягает хотя бы вот на такие картинки... [Бунин, 1925, с. 3].

В собрании сочинений в этом диалоге отсутствует уточнение «говоря то же самое, что и я думал»: для Бунина важнее здесь показать не близость, а подчеркнуть контраст [Бунин, 1935, с. 30].

И повествователю, и Бунину, и читателям чуждо то смиренное восхищение миром, которое вслед за этим высказывает старичок: «Ну, да, вы русский. И я знаю, сколько страданий и гонений терпит теперь Россия. Но это хорошо, не правда ли?» [Бунин, 1925, с. 3].

И хотя слова старичка, вероятно, относятся вовсе не к страданиям и гонениям, а к молитве – он повторяет фразу, сказанную чуть раньше, – разрушающий всякое единство контраст настолько резок, настолько кардинален, что Бунин впоследствии убирает заключительный вопрос из собрания сочинений и ставит после слова «Россия» многоточие [Бунин, 1935, с. 30].

Список литературы

Бунин И. А. Записная книжка // Новая Русская Жизнь (Гельсингфорс). 1921. № 74, 2 апр. С. 2–3.

Бунин И. А. Notre-dame de la garde // Возрождение (Париж). 1925. № 137, 17 окт., с. 2–3.

Бунин И. А. «Третий класс» // Иллюстрированная Россия (Париж). 1926. № 7 (40), 13 февр. С. 1–2.

Бунин И. А. Солнечный удар. Париж, 1927. 166 с.

Бунин И. А. Собр. соч. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 9: Цикады. 302 с.

Бунин И. А. Собр. соч.: В 6 т. / Ред. Ю. В. Бондарев, О. Н. Михайлов, В. П. Рынкевич. М.: Худож. лит., 1988. Т. 4: Произведения 1914–1931. 704 с.

Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Ред. О. Н. Михайлов; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН-Наследие. 1998. 640 с.

Бунин И. А. Сочинения: Ночь отречения / Общ. ред., сост., подгот. текстов Д. Д. Николаева. М.: Лаком-книга, 2001. 448 с.

Куприн А. И. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 5: Повести. Рассказы. Очерки. Апокрифы. 536 с.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main: Посев, 1981. Т. 2. 320 с.

References

Bunin I. A. Zapisnaya knizhka. *Novaya Russkaya Zhizn'* (Gelsingfors), 1921, no. 74, 2 Apr., p. 2–3. (in Russ.)

Сюжет в системе культурных универсалий

Bunin I. A. Notre-dame de la garde. *Vozrozhdenie* (Paris), 1925, 17 Oct., no. 137, p. 2–3. (in Russ.)

Bunin I. A. “Tretiy klass”. *Illyustrirovannaya Rossiya* (Paris), 1926, no. 7 (40), 13 Feb., p. 1–2. (in Russ.)

Bunin I. A. *Solnechnyy udar*. Paris, 1927, 166 p. (in Russ.)

Bunin I. A. *Collected works*. Berlin, Petropolis, 1935, vol. 9: *Tsikady*, 302 p. (in Russ.)

Bunin I. A. *Collected works*. In 6 vols. Ed. by Yu. V. Bondarev, O. N. Mikhailov, V. P. Rynkevich. Moscow, 1988, vol. 4, 704 p. (in Russ.)

Bunin I. A. *Publitsistika 1918–1953 godov*. Ed. by O. N. Mikhaylov, comment. by S. N. Morozov, D. D. Nikolaev, E. M. Trubilova. Moscow, Nasledie Publ., 1998. 640 p. (in Russ.)

Bunin I. A. *Sochineniya: Noch' otrecheniya*. Ed., comp., prep. by D. D. Nikolaev. Moscow, Lakom-kniga Publ., 2001. 448 p. (in Russ.)

Kuprin A. I. *Collected works*. In 10 vols. Moscow, Voskresen'ye Publ., 2006, vol. 5: *Povesti. Rasskazy. Ocherki. Apokrify*, 536 p. (in Russ.)

Ustami Buninykh: *dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy*. In 3 vols. Ed. by M. Grin. Frankfurt am Main: Posev Publ., 1981, vol. 2, 320 p. (in Russ.)

Сведения об авторе

Николаев Дмитрий Дмитриевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)

ddnikolaev@mail.ru

ORCID 0000-0001-8449-4682

Information about the Author

Dmitry D. Nikolaev – Doctor of Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

ddnikolaev@mail.ru

ORCID 0000-0001-8449-4682